

ДРУЖКА В СЕВЕРНОРУССКОЙ СВАДЬБЕ: О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ ВЫБОРА И АТРИБУТАХ*

Юлия КРАШЕНИННИКОВА

На сегодняшний день в отечественной фольклористике имеется ряд работ, посвященных функциям дружки и их генезису, терминологии, атрибутам этого персонажа ритуала, а также выявлению специфики жанра свадебных приговоров, анализу текстов, записанных в отдельных традициях или от конкретных исполнителей¹.

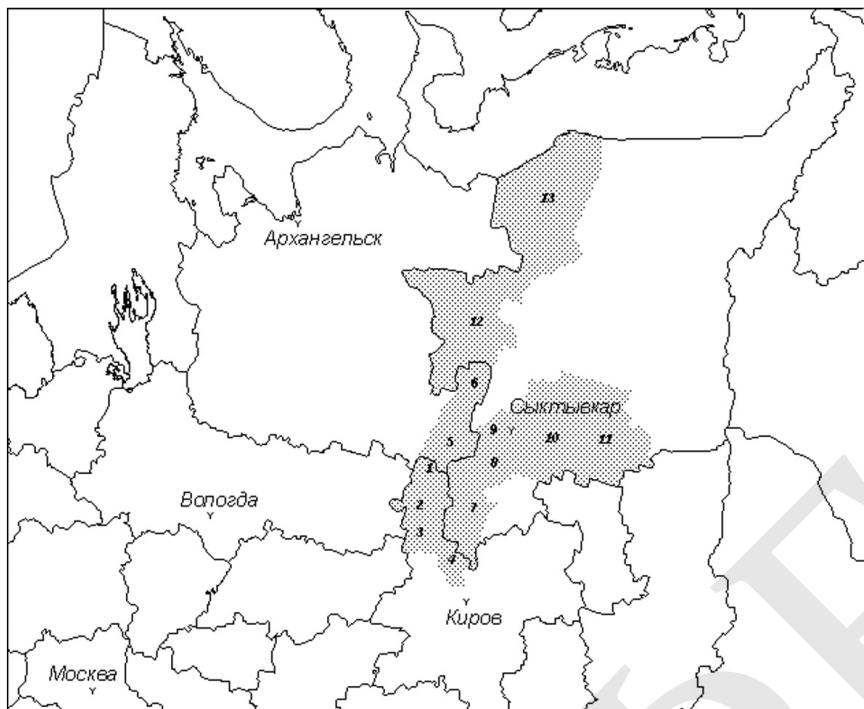
Любопытные сведения об этом свадебном чине зафиксированы в экспедиционных материалах, записанных в последней трети XX в. в ряде локальных традиций Русского Севера и сопредельных с ним территориях Республики Коми. Особая роль дружки среди участников свадьбы подчеркивается посредством различных характеристик и деталей, в том числе с помощью наименований, атрибутов. Используя записи, сделанные в районах Архангельской, Кировской областей и Республики Коми (Рис. 1) от исполнителей 1900–1930-х гг. рождения, рассмотрим наиболее распространенные атрибуты и некоторые условия выбора свадебных дружек. Отметим, что сведения, касающиеся традиционного свадебного обряда, в частности, материалы о свадебных чинах и собственно свадебные приговоры, на сегодняшний день записываются достаточно редко. Эта информация занимает все меньше места в совокупном объеме экспедиционного материала, что объясняется состоянием угасающей традиции функционирования жанра на современном этапе, затуханием процесса трансляции текстов, и, как следствие, исчезновением искусства профессионалов традиции, одним из ярких представителей которых может считаться свадебный дружка.

По воспоминаниям информантов, дружка выбирался из числа женатых родственников со стороны жениха (брат жениха, дядя по линии матери). В ряде сообщений содержатся указания, что дружка мог выполнять не только свои функции, но и тысяцкого — особо почетного свадебного чина (“[дружка и тысяцкий] *одно*

и то же... Раньше тысяцким звали, а нынче дружка...” — Опаринский район Кировской обл., СыктГУ: 2233–11). При этом исполнители отмечают, что тысяцкий назначался из числа ближайших родственников, чаще всего им мог быть дядя жениха. В этом экспедиционные записи соотносятся с опубликованными материалами [Богословский, 1927, с.18; Самодолова, 2001, с. 38].

Встречаются сведения о том, что дружку выбирали из числа пожилых женатых мужчин, не являющихся родственниками жениха: “*Старинны люди-то, которы поопытней мужичок, так того и ставят дружкой-то. Больше всё женатых, а нонче-от молодняк остался. Раньше пожилые дружки...*” (Опаринский район Кировской обл., СыктГУ: 2215–89); “*Молодых не было дружок, все пожилые, раньше не было молодых дружок. Теперь вот это молодые ходят, свидетели все, а раньше дружка был ведь он пожилой, молодого не допускали до этого. Уж такой обычай был*” (Вилегодский район Архангельской обл., ИЯЛИ: АФ 1702–15); “*Так вот этот старичок читает... Кто умеет, того и приглашали, это называется дружка...*” (Вилегодский район Архангельской обл., СыктГУ: 0486–47). Достаточно часто в записях встречаются упоминания о дружках-специалистах, знающих традиционные приговоры и заговоры, владеющих приемами речевой импровизации и умеющих вести свадьбу. Как следует из репортажей, именно хорошая память и знание приговоров обеспечивали любому мужчине участие в свадьбе в качестве дружки: “*Любой может быть дружкой. ... Без бумажки. Надо, чтоб язык подвешен был и память хорошая...*” (Вилегодский район Архангельской обл., СыктГУ: 0489–17); “*...дружки, это наемные, друзья. Талант маленько должен быть...*” (Вилегодский район Архангельской обл., ИЯЛИ: АФ 1703–52). Сведения о том, что были известные в округе специалисты, которых приглашали для проведения свадеб, фиксировались в

* Работа выполнена при поддержке Фонда содействия отечественной науке.

Кировская область:

1. Лузский район
2. Подосиновский район
3. Опаринский район
4. Мурашинский район

Архангельская область:

5. Вилегодский район
6. Ленский район

Республика Коми

7. Прилузский район
8. Сысольский район
9. Сыктывдинский район
10. Корткеросский район
11. Усть-Куломский район
12. Удорский район
13. Усть-Цилемский район

Рис. 1. Карта-схема упоминаемых в работе областей и районов

Прилузском районе РК, Вилегодском районе Архангельской обл., Лузском, Опаринском районах Кировской обл.²

Сведения о выборе дружек из числа молодых людей фиксируются в большей степени от более молодых информантов (1935–1940 гг. рождения). Это может объясняться тем, что они уже не застали обряд в живом исполнении, больше ориентируются на современную ситуацию, при которой свидетелем чаще всего становится друг жениха, близкий ему по возрасту.

Вместе с тем в приговорах практически не закрепились представления о дружке как пожилым человеке. Из большого количества опубликованных и архивных поэтических текстов обнаруживаются единичные образцы приговоров, в которых говорится о возрасте как самого дружки, так и его помощника. В частности, в записи из Судогодского уезда Владимирской губернии содержится указание на возраст дружки: “По синим сеничкам, // По частым ступенечкам, // Идет дружка пожилой, // Сам с седой бородой” [Шейн, 1898, с. 678]. Напротив, в большинстве текстов дружка предстает подвижным, ловким (скорее соотносится с молодым, нежели пожилым) человеком, образ которого формируется рядом устойчивых характеристик: “дружка, легкая ножка”,

“резвый дружка”, “дружка-вертушка”, “ножки с подходом, ручки с подносом, голова с поклоном, язык с приговором” и т. д.

Главенствующая роль дружки среди свадебных чинов подчеркивается несколькими характеристиками. Во-первых, в его именовании и определениях. Как правило, название дружки в ряде локальных традиций Русского Севера сопровождается устойчивыми определениями “старший”, “главный” (“*Два дружки. Один старший, другой помощник его. Один читает. Вот он называется старший*” – Вилегодский район Архангельской обл., СыктГУ: 0489–20), “*Три дружки было. Дак один главной читает*” – Вилегодский район Архангельской обл., СыктГУ: 0478–43 и др.).

Зафиксированные в народной терминологии названия помощника дружки также содержат указания на иерархические отношения между этими чинами (“полудружье”, “подружье”, “младший дружка”, “помощник”): “*На первой лошади дружка едет. Потом подружье...*” (Опаринский район Кировской обл., СыктГУ: 2213–12), “*Когда подают вино дружке, тогда и товарищу подают. Товарищу полудружка назывался...*” (Мурашинский район Кировской обл., СыктГУ: 1804–68)³ и др.

Исследователи отмечают, что помощник выполняет только отдельные поручения или обрядовые функции. В частности, А. Гура среди чинов севернорусского обряда отмечает дружку-бужельника, дружку-хлебника, дружку-пивника и др. [Гура, 1979, с. 166]; К. Чистов упоминает перезовщиков, гвоздарей и т.д. [Чистов, 1987, с. 401]. Любопытны названия помощников дружки, зафиксированные в свадебном обряде коми. В частности, в Усть-Куломском районе РК выбирались старший, младший и “закрывающий” поезд дружки; “закрывающий” ехал последним или на задке последних саней и назывался “отрубавший хвост собаки”. В Удорском районе РК один из дружек назывался “носильщик солоницы” [Плесовский, 1968, с. 79, 80] и др.

В некоторых локальных традициях названия помощника дружки закрепились в поэтических приговорных текстах. Так, в записях из Ленского района Архангельской обл. название помощника дружки встречается в застольных приговорах:

...Разрешите мне, дружке,
На резвые ножки встать,
Столики развернуть,
Шиты-браные платки
По рукам раздать,
Рыбные пирожки разрезать,
Круписчатые раздать.

[Потом дружка обращается к подружке]:
*Эй, подружка, помогай,
Вилку-ножик подавай* [Русская свадьба 2001, с. 290, № 554].

В приговорах встречаются и поэтические описательные характеристики помощника дружки. В частности, в сольвычегодской свадьбе (Вологодская губ.) дружка просит назначить ему “молодое подружье” (в тексте характеристика помощника строится по принципу “хороший” дружка — “еще лучше” подружье):

Дайте мне молодое подружье хорошее,
Ростом меня повыше,
Умом подороже,
На ухо почутчае,
На ножку повертчае,
Волосом порусее,
Разумом повострее... [Ордин, 1896, с. 82].

Главствующая роль дружки в свадебном обряде подчеркивается наличием у этого чина особого атрибута, в некоторых локальных традициях даже нескольких, которые выделяют его не

только из числа поезжан, но и всех персонажей, принимающих участие в обряде (кнут, палка, полотенце, пояс и т. д.). В материалах XIX в. зафиксировано описание енисейского дружки, поражающее “воинственностью”: он “...одет со всеми принадлежностями таинственного витязя: через плечо у него берчатое полотенце, подпоясан он браным кушаком, на кушаке висят справа — плеть, спереди — пистолет, слева — складной нож” [Кривошапкин, 1865, с. 77]. В “арсенале” вооружения дружки исследователи и бытописатели отмечают нож [Логиновский, 1899, с. 55; Fokos-Fuchs, 1951, р. 276–278], пистолет, из которого он стрелял на перекрестках дорог [Зорин, 1981, с. 102] или делал сигнальный выстрел около окна невесты [ПГВ, 1864, с. 44], саблю [Киреевский, 1911, с. 80].

Непременный атрибут дружки — плеть — выступает в качестве знака магической силы и власти и предохранительного средства от “порчи”. В материалах XIX в. примеры использования дружкой кнута в обряде многочисленны [Богословский, 1927, с. 18–19; Гура, 1979, с. 167; Зорин, 1981, с. 109; Козырев, 1912, с. 82–83; Самоделова, 2001, с. 43; Соколовы, 1915, с. 354 и др.]. В экспедиционных записях, сделанных на севернорусской территории и попавших в поле нашего зрения, плеть (кнут) упоминается информантами крайне редко. Более того, в одном из репортажей, записанных в Опаринском районе Кировской обл., зафиксировано следующее высказывание: “дружка ходит без кнута. Он все читает. Его и так знают...” (СыктГУ: 2213–12).

По материалам, записанным в 1920–1930-х, 1960-х гг. в разных локальных традициях Республики Коми, плеть (кнут) использовалась в качестве знака отличия дружки, символа “исполнительной власти” [Самоделова 2001, с. 43], средства очистительной и предохранительной магии, защиты от нечистой силы, средства карпогонической магии. Как символ власти плеть употреблялась дружкой в качестве “огрозы”, устрашения, например, при выкупе стола у девушек в доме невесты (Сысольский район, [Плесовский, 1968, с. 93]), при выкупе постели для молодых (Усть-Куломский район, [Плесовский, 1968, с. 92]). В Корткеросском районе приход дружки к невесте сопровождался ее символическим “бужением”: дружка ударял по лежащим невесте

и ее подружкам плетью и в императивной форме требовал встать [Плесовский, 1968, с. 57]. В Сыктывдинском районе дружка ударял плетью невесту, если та роняла деньги из сапога мужа [Плесовский, 1968, с. 91] и т. д.

Многочисленны примеры использования плети как средства очистительной и предохранительной магии. Так, при входе в дом невесты дружка стучал в стену дома и рукояткой плети крестил двери (Корткеросский район, [Плесовский, 1968, с. 84, 86]), стучал в окно, читая при этом молитву (Усть-Куломский район, [Плесовский 1968, с. 60]), разметал плетью дорогу и наказывал каждого встречного (Сысольский район, НА Коми НЦ: ф. 1, оп. 11, д. 226, л. 73).

Употребление плети как “средства надления всего живого плодovitостью” [Славянские древности 1999, с. 515] связано с оплодотворяющей магией, обеспечивающей рождение детей и богатство. Продуцирующая семантика характерна для прикосновений или символических ударов кнутом невесты, молодой пары. В частности, при передаче невесты жениху дружка плетью ударял ее по боку (Усть-Куломский район, [Плесовский, 1968, с. 79]), укладывая молодых спать, прикрывал их одеялом и трижды хлестал поверх одеяла плетью (Удорский район, [Плесовский, 1968, с. 93, 94]) и др.

Значимым атрибутом и немаловажным элементом облачения дружки является полотенце, которое упоминается повсеместно. Встречаются свидетельства, в которых повязанное через плечо полотенце может дополняться другим атрибутом, например, пришитыми на груди из ситца крестами (Сысольский район, [Плесовский, 1968, с. 44]).

Исполнители Подосиновского района Кировской обл. отмечали, что дружке завязывали длинное вышитое (“с кружевом”) полотенце (по местной терминологии “подштинник”), причем, чем оно было длиннее, тем лучше. Приветствовалась такая длина полотна, при которой концы завязанного полотенца лежали на земле (“ему долгие сделают, ну, так по всему волокотя, полотенцо или материя, чего хочешь. Вышитое [полотенце], по земле концы волочится...” — СыктГУ: 2302—1). Как следует из комментариев, длинные концы полотенца наделялись особым символическим смыслом и “гарантировали” жениху богатую

невесту (“Говорят, надо так, чтоб богата невеста [была]” — СыктГУ: 2302—1).

В экспедиционных материалах зафиксированы также такие атрибуты дружки как пояс (кушак, опояска), лента (повязка, шаль, бант), цветы на груди. Так, в Опаринском районе Кировской обл. дружке завязывали ленту с бантом на поясе (СыктГУ: 2215—89), в Усть-Цилемском районе РК на дружку и тысяцкое пришивали ленты и надевали на шею небольшие шали (СыктГУ: 0394—31, 0342—64) или через плечо повязывали рипсовые, шелковые платки (СыктГУ: 03103—3, 0342—30). Исполнители Вилегодского района Архангельской обл. отмечают, что существовали специальные пояса, которые повязывались дружке и его помощнику. Последний зашивал что-то (без сомнения, оберег) в пояс: “Специально кушаки были... Пояс. Это у дружки. Этим он отличался. По-своему наряжался. Вот это он наряжается, вот специально этот кушак попадает. Два дружки. Другой носил там чего-нибудь, зашивал” (ИЯЛИ: АФ 1703—56).

Тема наличия у дружки пояса (“опоясочки”), как необходимого отличительного атрибута, актуализируется в свадебных жанрах (приговорах, величальных песнях). Так, в записях из Вологодской губ. дружка обращается к родителям невесты и просит “опоясок справить”: “А мне приказали // Челобитье отправить, // Челом вам править, // И с вашего здоровья // Опоясок справить. // Пожалуйте тряпичку — // От народа отличку...” [Александров, 1863, с. 70]. Величальная песня, адресованная дружке, строится на мотиве “доделывания”, готовности персонажа как дружки. В песне повествуется о том, как дружка ходит “по торгу” и покупает себе санки, коня, кафтанчик, шапку, и, наконец, последнюю опоясочку, наличие которой подтверждает готовность (“пригодность”) быть дружкой, исполнять его обязанности:

Дружка по торгу ходил,
Опоясочку купил,
На себя положил;
Он обернетца,
Сам оглянетца,
Хорошуся-ли я,
Пригожуся-ли я,
У Васильюшки
У Васильевича

В дружки ехать? [Шишонко, 1882, с. 64–65]. В этом контексте уместно привести высказывание А. Байбурина о том, что “пояс воплощал суть идеи “одетости” [Байбурин, 1992, с. 5; цит. по: Лысенко, 1999, с. 92].

В свадебных приговорах раскрывается семантика пояса как средства защиты дружки от порчи при контакте с “иным” миром. В частности, в приговорных текстах трудный переход дружки через порог дома невесты изображается посредством описания лиминального состояния этого персонажа (у дружки “белые руки”, “глазки мутятся, уста шевелятся”, он спотыкается на пороге — “пал, в пол головой воткнулся...”, “к вам бежал, язык прижал...” и т. д.). При переходе через порог у дружки развязывается пояс, что расценивается как несчастье: “Дружка за скобу хватается, у дружки гашник расстегается; дружка гашник подвязывает, про беду свою не рассказывает...” [Мыльникова, Цинциус, 1928, с. 100].

Сведения о дарении дружке полотенца, платка, пояса встречаются в экспедиционных материалах достаточно часто. Подаренные невестой дружке полотенце, платок, пояс рассматриваются как знак благодарности⁴, покорности и расположения невесты [Торопова, 1974, с. 70].

Ритуальный акт одаривания дружки полотенцем, платком закрепился в приговорах, записанных в ряде районов Русского Севера. Так, для вилегодской традиции достаточно устойчивым является мотив “дружка требует отдарочки”: “семь аршин полотна” или “платок не короче сажени одной”. В некоторых текстах это описание сопровождается темой “угрозы” невесте: плохое дарение грозит невесте бранью и хулением, похвала невесты возможна в случае получения требуемых “отдарочков”:

Вы, новобрачна молодая княгиня...
Принимай-ка подарочки,
Да клади-ка отдарочки:
Клади семь аршин полотна,
Чтобы вышла рубашка
Не длинна и не коротка
и с подштанничкима.
Как кого будешь дарить,
Таково буду хвалить,
Хорошо будешь дарить,
Хорошо буду хвалить,
Плохо будешь дарить —
Буду хаять и бранить (КМФ: 1417–32).

Колокольчик появляется в арсенале дружки, как правило, на второй день ритуала, выполняя функцию оповещения (невесты о приезде женихов, односельчан о свершившейся свадьбе). В Опаринском, Подосиновском районах Кировской обл., Прилузском районе РК дружка с помощью колокольчика приглашала сельчан на свадьбу (пир) или на ритуальное утреннее умыванье молодых, происходившее после первой брачной ночи. В частности, в южной части Прилузского района (дд. Прокопьевка, Черныш) дружка с колокольчиками, привязанными к ногам, обходил все дома в деревне и приглашал на пир [Плесовский, 1968, с. 88]. В Лойме (северная часть того же района) с помощью колокольчика дружка оповещала невесту о приезде жениха и свадебного поезда (СыктГУ: 1319–46). В Опаринском и Подосиновском районах Кировской обл. дружка будил колокольчиком молодых: “Тысяцкий водил на подклет. Будил дружка. Утром пойдет: “Пора вставать” с колокольчиком” (Опаринский район, СыктГУ: 2220–20), “На утро уже моя задача — жениха да невесту будить. Раньше колоколец брали, с колокольцом этим ходишь, звонишь-будишь” (Подосиновский район, СыктГУ: 2345–30) и др. В этих же районах дружка, обегая с колокольчиком деревню, звал всех на второй день свадьбы (“тещин завтрак”, “на умывальник”): “Пока переодеваются [жених с невестой], дружка побежал по деревне, всех колокольцом на завтрак зовут, чтобы все приходили на тещин завтрак” (Подосиновский район, СыктГУ: 2346–16), “Дружка бежит вот утром, зазывает с колоколом, с колокольчиком, большой колокольчик по деревне, еще “идите на свадьбу” (Опаринский район, СыктГУ: 2219–56), “Дружка утром бежит с колокольцом, значит выходит пировать на свадьбу нам. Обегали деревню” (там же, СыктГУ: 2222–31), “[На второй день] побежит еще дружка, побежит по деревне с колокольцом, да и полотенце привяжут, навяжут, по всей деревне побежит — значит, надо идти на умывальник” (там же, СыктГУ: 2224–24) и др.

В качестве атрибута дружки информанты упоминают веник. С веником (“виник со штыком”, “витик”), взятым из дома жениха, дружка приезжал в дом невесты (“с витиком

в избу [к невесте] заходит, все с витиком ходит”), собирал гостей на свадьбу (“С помелом бегают, собирает народ на свадьбу, <...> народ на свадьбу гонит пировать” — Опаринский, Подосиновский районы Кировской обл.), “дорогу прометал перед молодыми” (Прилузский район РК, ИЯЛИ: АФ 1549—45). Показательно, что, заходя в каждую избу, он ни до кого этим веником не дотрагивался, что связано, вероятно, со специальными запретами, относящимися к битью веником [Славянские древности, 1995, с. 308]. По всей видимости, веник/помело в этих локальных традициях является символом власти дружки (как вариант жезла, кнута).

В ряде репортажей из Подосиновского района Кировской обл. зафиксировано, что березовый веник, с которым дружка обходил деревню и приглашал всех на свадьбу, был перевязан шелковой лентой и украшен колокольчиками (в некоторых случаях веник украшала невеста): “На веник ему [дружке] навязывают колокольцу, веник березовый, и он бегают с этим веником по деревне, зазывает гостей” (СыктГУ: 2348—58 и др.). В этих сообщениях любопытно несколько моментов. Во-первых, информанты отмечают, что веник обязательно должен быть зеленым (“листоватик из березы”, “веник с листьями, березовый”, “баенный не такой, не пихта”). Зеленый веник противопоставляется “сухому” (мертвому, безжизненному) и банному венику⁵, и этот признак атрибута отмечается информантами как наиболее значимый. Во-вторых, невеста сама после подклета могла украшать веник шелковой лентой и колокольчиками: “... утром невеста опояшет этого дружку. Этот веник опояшет, колокольцу навязжет...” (СыктГУ: 2301—10).

Сведения о том, что на второй день свадьбы после подклета дружка ходил по деревне с украшенным невестой веником, сообщают этому атрибуту дополнительную символику: можно предполагать, что березовый веник является символом приобщившейся к новому роду молодой замужней женщины, в какой-то степени он функционально близок свадебному деревцу (“красоте”) невесты⁶.

Обережная и продуцирующая функции веника проявляются в ритуале “умывания”, происходившем на второй день свадьбы в том же Подосиновском районе: после подклета

дружка кропил молодых водой с веника (“Будили тоже свахи, потом входил дружка. Обливал с веника водой-то...” — СыктГУ: 2346—49 и др.).

В числе обязательных предметов, которые дружка брал из дома жениха, повсеместно называются икона и хлеб/хлеб-соль. С иконой, взятой из дома жениха, дружка обходил свадебный поезд, ехал к венцу, без нее венчание было невозможно (“У дружки икона, без которой не венчают <...> без этой иконы венчать нельзя” — Вилегодский район Архангельской обл., ИЯЛИ: АФ 1706—84). Хлеб (“Всегда носит хлеб с собой, никому не дает” — СыктГУ: 2211—72) достаточно часто упоминается в паре с солью, выражая общее значение благополучного совместного существования, “жизни без ссор”⁷, домашнего благосостояния⁸. Принесенный дружкой из дома жениха в дом невесты каравай хлеба является воплощением жениха и его рода. В записях из Подосиновского, Прилузского районов встречаются свидетельства, что между дружкой и представителем рода невесты происходил своеобразный поединок хлебом, по итогам которого определялся глава новой семьи: “Вот там дружка заходит в первую очередь [в]перед жениха, и от невесты тоже кто-нибудь бойкий. И вот по буханке хлеба, по такому караваю. Друг друга ударяли. Ой, глядельщики приметят, кто может: или женихова родня перебьет, вышибет из рук буханку, или невестина. Если вот невестина родня вышибет, то будет невеста хозяйничать” (Прилузский район РК, СыктГУ: 1327—1)⁹.

Итак, по материалам фольклорно-этнографических экспедиций последних двух десятилетий XX в. атрибутами дружки в севернорусском свадебном обряде являются полотенце, пояс (кушак, опояска), лента (повязка, бант), колокольчик, веник. Особым смыслом наделены икона, хлеб или хлеб-соль, привезенные дружкой в дом невесты из дома жениха. Полотенце, платок, лента, повязанные дружке в доме жениха, осознаются информантами как знак, позволяющий выделить дружку из всех присутствующих (“отличка от народа”). Как отмечают исполнители, повязанное полотенце демонстрировалось всем присутствующим, кто является дружкой. Эти же атрибуты наделены защитной се-

мантикой, в народных представлениях воспринимаются в качестве средств защиты от порчи. Подаренные невестой дружке полотенце, пояс рассматриваются как знак благодарности или согласия, расположения невесты.

При выборе дружки к претенденту предъявлялись определенные требования, которые заключались в знании “текста” свадьбы (последовательности ритуальных актов и сопровождающих, организующих эти акты приговоров), умении вести ритуал и диалог с представителями рода невесты, обладании сакральным знанием (подклетные приговоры, обереги). Такие характеристики, как знание обряда и приговоров, “острый язык” и быстрый находчивый ум, превалируют при выборе дружки в свадебном обряде Русского Севера конца XIX — начала XX вв.

¹Ряд исследований (в частности, статьи Д. Зеленина, А. Мореевой, Ю. Круглова и диссертационные работы А. Тороповой, В. Поздеева, Т. Федоровой, Е. Островского) упомянуты в статье Е. Самодоловой [Самодолова, 2001, с. 28]. Отметим также [Богословский, 1927; Бахтина, 2003; Гура, 1979; Кузнецова, 2000; Поздеев, 1984; Славянские древности, 1999, с. 138–141; Торопова, 1972 и др.].

²Кстати сказать, в этих районах жанр более развит, а тексты свадебных приговоров фиксировались собирателями до недавнего времени. В этом контексте уместно упомянуть наблюдение А. Мореевой, сделанное в 1927 году: “Почти повсюду, где мы встречаем хорошо сохранившиеся приговоры, имеются и указания об исполнении их приглашенными дружками-знатоками. <...> Факт существования дружек профессионалов-специалистов отмечается также в фольклорных материалах, собранных летом 1926 г. экспедицией ГАХН в Заонежье под руководством проф. Ю. Соколова” [Мореева, 1927, с. 113].

³В этом сообщении любопытно и то, что информанты, и это встречается довольно часто, называют помощника дружки “товарищем”, вероятно, подчеркивая, тем самым как единство задач, так и возраст (см. в Толковом словаре В. Даля: “Товарищ — дружка, сверстник, ровня в чем-либо, однолеток, помощник, соучастник в чем...” [Даль, 1995, 4, с. 409].

⁴Например, дарение невестой полотенца, пояса в ответ на угощение ее дружкой “пивом и сочными” в Сысольском районе РК; в Удорском районе РК за “банное мясо” дружке дарят пояс и два поясочка для обуви [Плесовский, 1968, с. 63, 64].

⁵В этом контексте любопытны сведения, зафиксированные в Усть-Куломском районе РК: чтобы поссорить, разлучить жениха с невестой, между ними во время шествия к церкви до венчания бросали подоженный банный веник (устное сообщение О. Уляшова).

⁶Ср.: в качестве “красоты” использовали маленькую елочку, деревце, украшенные цветами, мишурой, конфетами, свечами, лоскутами ткани, бусами, иногда с куклой на вершинке (РГАЛИ: ф. 1420, оп. 1, д. 145, л. 5; ф. 1420, оп. 1, д. 68, л. 45 и др.), “красота” появлялась на девичнике или в момент приезда жениха в дом невесты, т. е. до венца.

⁷Ср.: в пословице “Хлеб-соль никогда не бранится” и др. [Даль, 1995, т. 4, с. 268]. В этом контексте любопытны приговоры из Подосиновского района Кировской обл., которые произносились на второй день свадьбы и сопровождали дарение молодой пары. В частности, соль преподносилась молодым со словами: “Вот тебе (вар.: вам) соль, чтобы не было ссор”. Напротив, отсутствие соли характеризует разлад в отношениях, в доме: “Без соли стол кривой”, “Без соли хлеб не естся”, “Несолоно есть, что с немилым целоваться” и др. [Даль, 1989, т. 2, с. 286].

⁸Наличие хлеба, хлеба-соли как символов домашнего благосостояния, достатка, богатства, обилия отражено в поговорках: “Хлеб на стол, и стол престол; а хлеба ни куска — и стол доска!”, “Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай”, “Хлеб да соль, и обед пошел”, “Без хлеба, без соли никто не обедает”, “Не будет хлеба, не будет и обеда” и др. [Даль, 1989, т. 2, с. 285].

⁹В этом контексте интересна поговорка: “Боронись хлебом и солью” [Даль, 1989, т. 2, с. 261, 278], где “борониться” употребляется в значении “защищать, отстаивать, оберегать, охранять” [Даль, 1995, т. 1, с. 117].

Литература

- Александров В. Вологодская свадьба. — С.Пб., 1863.
- Байбурин А. Пояс (к семиотике вещей) // Сборник МАЭ. — Т. 45. — С.Пб., 1992.
- Бахтина В., Рябинин М. — свадебный дружка (из архивных материалов) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003. — С. 3–5.
- Богословский П. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. — Пермь, 1927.
- Гура А. О роли дружки в севернорусском свадебном обряде // Проблемы славянской этнографии. — Ленинград, 1979. — С. 162–172.
- Даль В. Пословицы русского народа: В 2-х тт. — М., 1989.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. — М., 1995.
- Зорин Н. Русская свадьба в Среднем Поволжье. — Казань, 1981.
- Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия. — М., 1911. — Вып. 1.
- Козырев Н. Свадебные обряды и обычаи в Островском уезде Псковской губ. // Живая старина. — 1912. — Вып. 1. — С. 75–94.
- Кривошапкин М. Енисейский округ и его жизнь. — С.Пб., 1865. — Вып. 1. — С. 48–128.
- Кузнецова В. Дружка и его роль в русской свадьбе Заонежья // Фольклористика Карелии. — Петрозаводск, 2000. — С. 95–104.

Логиновский К. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Записки Приамурского отд. РГО. — Хабаровск, 1899. — Т. 5. — Вып. 2. — С. 1—94.

Лузинин В., Иорданский Н. Свадьба в Ветлужском крае // Этнографическое обозрение. — 1896. — Т. 31 (4). — С. 107—113.

Лысенко О. Метаморфозы одежды в хаосе архаичных форм // Мифология и повседневность. Материалы научной конференции. — С.Пб., 1999. — Вып. 2. — С. 89—99.

Мильникова К., Цинциус В. Северно-Великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. — Л., 1928.

Ордин Н. Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. — С.Пб., 1896. — Вып. 1. — С. 51—121.

Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. — 1864. — № 7. — С. 42—44.

Плесовский Ф. Свадьба народа коми. — Сыктывкар, 1968.

Поздеев В. Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда // Жанровая специфика фольклора. — М., 1984. — С. 60—74.

Русская свадьба / Сост. А. Кулагина, А. Иванов: В 2-х тт. — М., 2001. — Т. 2.

Самоделова Е. Дружка и его помощник // Мужчина в традиционной культуре. — М., 2001. — С. 28—47.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. Толстого: В 5-ти т. — М., 1995. — Т. 1.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. Толстого: В 5-ти т. — М., 1999. — Т. 2.

Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. — М., 1915.

Торопова А. Наговоры дружки (к вопросу о жанровой природе свадебной прозы) // Проблемы теории и истории литературы. — Ярославль, 1972. — Вып. 36. — С. 85—98.

Торопова А. Наговор дружки в поэтической системе свадебного фольклора. Дис. ... канд. филол. наук. — Ленинград, 1974.

Чистов К. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян. — М., 1987. — С. 396—416.

Шейн П. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах / Материалы, собранные и приведенные в порядок П. Шейном. — С.Пб., 1898. — Т. 1. — Вып. 1.

Шишонко В. Отрывки из народного творчества Пермской губернии. — Пермь, 1882.

Fokos-Fuchs D. Volksdichtung der komi (Syrja-nen). — Budapest, 1951.

Сокращения

ИЯЛИ — Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, АФ — аудиофонд.

КМФ — Фольклорный архив Комиссии музыковедения и фольклора Союза композиторов РФ.

НА Коми НЦ — научный архив Коми научного центра УрО РАН.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РК — Республика Коми.

СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета.

This article is dedicated to the role that the best man is playing in Russian (specially, Russian North) wedding tradition. The author is analysing the role of the best man through the most popular attributes and conditions on which the best man was chosen for the wedding ritual. The informants are people born between 1930 and 1930s in Archangelsk, Kirov Regions and in the Republic of Komy. The best man according to the informants was supposed to know the wedding “text”, know how to direct the ritual, to create dialogues with the wedding ritual participants and their attributes were the wedding towel, the belt, the bandage, the ring, the broom, that would distinguish them from the other participants. A towel played a special symbolic role on the best man’s arm. All those things played a protective role as well.